

Сейденова С.Д.

ЛЕЙТМОТИВНЫЙ ОБРАЗ В ПРОЗЕ С. МУРАТБЕКОВА

Аталган мақалада Сайын Мұратбековтың прозасындағы лейтмотивтік образ туралы сөз болады.

Творчество известного казахского писателя Саина Муратбекова отмечено индивидуальным почерком художника. Особое место занимают произведения, построенные на динамике, драматизме событий, посвященные диалектическому исследованию жизни аула. Художник часто обращает внимание на полнокровную жизнь аула, на непростые человеческие судьбы. Даже на первый взгляд простые житейские ситуации на страницах его книг становятся испытанием человеческих качеств на стойкость, преданность, верность, смелость и благородство.

В произведениях писателя важно отражение самого процесса формирования в душе повествователя чувства сопричастности к судьбе своей страны. Поэтому аул С.Муратбекова – эстетическая реальность, психологическое пространство, отмеченное специфическими чертами и отраженное в сознании, душевном складе, внутреннем мире его героев.

Богатство драматического действия – и внешне-событийного и внутреннего (психологического) – позволяет художнику достичь большой реалистической полноты, объемности и многомерности характеров. В повести «Дикая яблоня» автор приводит целую галерею характеров. Жители аула, испытывающие на себе все тяготы войны, не лишены человеческих слабостей. Образы старика Байдалы, озорного Ажибека, фронтовика Ырысбека, глухого Кольбая отмечены индивидуальными чертами. Несмотря на лишения военных лет, аульчан объединяет общее дело. Образы отважной женщины – бригадира Багилы, ее сына Каната, дочери Назиры, возлюбленного дочери Токтара и бабушки передают мысль художника о единстве семьи как незыблемом сокровище нации.

Прежде всего, автор пытается определить доминанту характера каждого героя, что позволяет убедиться в богатстве его проявлений, неоднозначности, жизненной полнокровности. Автор наблюдает, как углубляется в связи с эволюцией замысла и под влиянием реальных событий исторической действительности нравственно-психологическое содержание образов в дальнейшем, как развивается «личная тема», приобретают философский характер раздумья героев о борьбе, о жизни и смерти. Главный герой повести «Дикая яблоня» по имени Канат, от лица которого ведется повествование, помогает

женщинам молотить хлеб на току и по праву называется джигитом: «...посадили меня на гнедого коня, который возил малатас...гнедой скосил на меня большой добрый глаз, как бы спрашивая разрешения, и затопал по кругу, устланному снопами хлеба, застучал копытами: дук-дук. И малатас покотился, запрыгал за ним, тоже застучал: дук-дук...Круг повторялся за кругом, и скорее перед моими глазами все завертелось все: и столбы навеса, и лица...внутренности так и прыгали у меня в животе...Когда я вечером, буквально сполз с коня и встал на ноги, мне показалось, будто рост мой уменьшился...земля шаталась под моими ногами, перед глазами все плыло, хотелось тут же лечь и никогда больше не подниматься. Но я боялся опозориться перед женщинами и стариком Байдалы. Они назвали меня джигитом; теперь ничего не поделаешь, нужно держаться, как и подобает джигиту. И я небрежно сказал обеспокоенной сестре Назире, что чувствую себя великолепно, и, собрав все последние силы и стараясь ступать ровно, легко, отправился в аул» [2, 104].

Сюжетная линия повести богата драматическими перипетиями жизни аульчан. Это несчастная судьба сумасшедшей Бубитай, потерявшей всех родных; нелегкая жизнь сиротки Тоштан, вынужденная заботиться о сумасшедшей тетке Бубитай; проделки неутомимого на выдумки, злонравного, одинокого Ажибека; печальная участь талантливого Ырысбека и незавидная женская доля его женщин – Дурии, Зибаш и Эммы. Во всех описанных судьбах заметны сочувствие и любовь автора к людям: «...Ырысбек словно только и ждал сигнала, из домбры, из-под его пальцев стремительным потоком полилась музыка. В душе моей все перевернулось, по телу, до самых пяток, пробежал приятный озноб...И зима, зажавшая, казалось, весь мир в своем ледяном, скрипящем от лютых морозов кулаке, и вечное желание есть, всюду преследующее тебя, куда бы ты ни пошел, и сиротская беззащитность, из-за которой боишься собственной тени, ходишь, втянув голову в плечи», – все это куда-то исчезло, забылось, мир наполнился красивой музыкой. Как здорово, думал я, сидеть среди близких людей, слушать пение такого замечательного человека, как Ырысбек. Он ли совсем недавно совал меня головой в холодный сугроб? Его жесткие, какие-то сумасшедшие глаза смягчились, стали добрыми. Сейчас Ырысбек уважал и

любил всех людей...» [2, 176]. Проникновенно говорит автор о своей любви к матери: «Говорят, самые счастливые люди на земле – матери. Если это так, то тогда самой счастливой среди них должна быть моя бабушка». Затем автор напрямую обращается к читателю: «Судите сами, она родила троих сыновей и дочь, а от них разрослось потомство, способное заселить небольшой аул. И каждый сыт, одет и обут» [2, 484]. Писатель делится сокровенными мыслями: «Милая, милая моя бабушка! Еще настанет время, когда ты увидишь и мою невесту, и невесту твоего самого младшего внука Есета. И будут у тебя правнуки. Да только тогда захочется тебе уже праправнука иметь» [2, 485].

Личностное отношение повествователя к объективной действительности, его мысли и чувства, мир души постоянно присутствуют в его прозе.

Содержательность личного опыта лирического героя, сопричастность его судьбам людей, народа приводит к масштабности и общезначимости его личного опыта.

Главный принцип прозы С.Муратбекова – показать красоту и значительность повседневного, обыкновенного мира, окружающего нас.

Любовь к “малой родине” не декларируется писателем, а составляет душу того пристального и любовного внимания, с каким относится он к деталям быта, природе, людям.

В повестях «Горький запах полыни», «Дикая яблоня» автор избрал столь своеобразный угол зрения – взгляд на жизнь сквозь призму детских впечатлений. Этим достигается понимание личности самого повествователя, человека своего времени.

В самом стиле и языке повестей выражается способность автора увидеть в обыкновенном необыкновенное, сохранив при этом правдивость и точность в передаче потока чувств. Вот описание аула из повести «Горький запах полыни»: «Наш аул приютился у подножия горы Ешкиольмес. Его головные избы, пытаясь взобраться повыше к вершине, вползли было на склон и застыли в начале пути. Такое возникает впечатление, когда смотришь на единственную улицу в нашем ауле. Летом она верхним концом упирается в густую гриву полыни, покрывающей гору Ешкиольмес, а зимой мы носимся сверху вниз на санях по утопанному снегу, и до позднего вечера над улицей звенят веселые детские голоса. Зима у нас замечательная, снег выпадает глубокий, и в то же время у подножия горы солнечно и тепло. Вот уж благодать, когда несешься навстречу упругому воздуху, а снег слепит глаза и поскрипывает под полозьями, и видишь, как торопятся твои приятели, волокут наверх сани, и щеки их пынут жаром» [1, 13-14].

Предметный мир, воплощенный в системе деталей, в пейзажах и описаниях, отражен в сознании персонажей и раскрыт как внутренний, психологический мир множества лиц всех состояний и возрастов.

Система взаимоотношений характера и среды раскрывается как связь поколений, как боль и болезнь души, как надежда и отчаяние развивающейся души.

Ключом к повести «Дикая яблоня» являются раздумья самого автора-повествователя, внутренне переживающего трудное детство. Следует также отметить эстетическую полемику самого автора с популярными в те годы тенденциями к панорамной “монументальности”, в которой отдельный человек часто растворялся в “задачах крупного масштаба”.

Наблюдая за внутренней динамикой образов и за развитием отношений между персонажами, представляющими различные полюсы мышления (Багила - Ырысбек, Ажибек - Канат), автору удается, не нарушая сложившейся структуры повести, внести в него современное осмысление минувших событий.

Наиболее элементарный вид повторов легко найти в рассказах, построенных на эмоциональном выражении авторской позиции. В рассказе «Зимний вечер» главный герой молодой сторож Жолбай давно безнадежно влюблен в Асилу. Рассказ интересен своеобразным “видением” жизни аула. Не “смотреть”, а именно “видеть” становится главным лейтмотивом данного произведения. С самого начала повествования читатель настраивается на особое видение: «Еще осенью на высоком холме построили новый скотный двор. Отсюда новому сторожу Жолбаю *видна* вся центральная усадьба колхоза, расползшаяся по низине. Теперь стояла зима. Жолбай, парень лет двадцати пяти, забрался по пояс в сено, что собрано возле ворот, и уютно закутавшись в просторный тулуп, *смотрел* на свой аул» [1, 75]. Но на Жолбая тоже смотрят, особенно «когда с востока тянет пронизывающей стужей, запах сена сползает с холма и плывет по аулу, опьяняя все живое», «скотина задирает морды и, раздувая ноздри, долго *смотрит* туда, где сидит он, Жолбай» [там же]. Далее объект видения конкретизируется: хоть и имеется у сторожа теплая сторожка, Жолбай предпочитает этот стожок сена, потому что «так ему лучше *виден* дом, стоящий на краю аула». Потому что «в этом доме живет Асиля. Ему *видно* со своей высоты, как ходит она по двору, загоняет скотину на ночь», «за часы своих дежурств он уже изучил привычки жителей этого дома», «так, зарывшись по пояс в стог и забыв про мороз, он *не сводит глаз* со светящихся окон, следит за теньями, что изредка падают на занавески».

В один из таких моментов Жолбай *«не поверил своим глазам: неужели это идет, проваливаясь в снегу, Асиля? Разве не об этом он мечтал ночами, вот так же сидя в сене?»* Жолбаю вспомнилось все, как он *«глядел на Асилю»* в первый день ее появления в школе, как *«не сводил с нее зачарованного взгляда»*, а коварная красавица делала вид, будто ничего не замечает, но потом подняла *прекрасные глаза* и неожиданно *подмигнула»* [1, 77]. Сказочно выглядят у С.Муратбекова даже бытовые сцены, связанные с привозом сена: «В этот зимний вечер обоз *выглядел* фантастическим. От лошадей поднимался пар, их шерсть схватывало инеем. Иней окутал неуклюжие фигуры сеновозов, они походили на дэвов из сказки» [1, 81]. Искренность и обнаженность чувств можно обнаружить в диалоге героев: «Он подтолкнул дрова к Асиле. – А если ты замерзнешь сам? Дрова-то, видно, не лишние у тебя, – произнесла Асиля с неожиданной кротостью. – Да что ты, Асиля! – заорал обрадованный Жолбай. – Я все равно торчу на улице. А когда мне холодно... а когда мне холодно, я греюсь от вашего окна. *Гляжу и греюсь»* [1,83-84]. Кажется, в словах Жолбая заключена основная мысль рассказа – научиться видеть обыкновенный и в то же время прекрасный окружающий мир, простые и неповторимые образы близких людей и греться в их неизмеримой человеческой любви.

В авторской стилистике можно с легкостью проследить наличие повторяющихся элементов лейтмотивного образа, что также характерно для лирического повествования. Так, на протяжении всей сюжетной линии рассказа «Сестренка» автор удачно решает характерную для традиционной лирической прозы задачу нахождения предметно-образного адекватного тому или иному душевному состоянию героя. Делает он это с помощью лейтмотивного поэтического образа – улыбки героя, точнее героини, т.е. сестры главного героя, сопровождающего своей улыбкой каждый событийный поворот или вдруг возникающее состояние. В самом начале рассказа «Сестренка» брат вспоминает ее детские годы: «Невысокая смуглая девочка Алима всегда была готова вступить со мной в горячий спор, и любому было понятно – только для того, чтобы подразнить меня. Ее вздернутый носик, казалось, все время ждал, что его хозяйка вот-вот *звонко рассмеется*... Все мои придирики и наставления сестра выслушивала с самым серьезным видом. Но стоило моему серьезному взгляду смягчиться, как на ее губах появлялась улыбка. Не переставая *лукаво улыбаться*, Алима, стараясь отвлечь мое внимание, кралась к двери, и, если оказывалась на пороге раньше, чем я, мои старания пропадали даром», т.е. как старший брат, читая нравоучения

и нотации в адрес своей сестры, он добивался только ее непочтения в виде *«улыбки во всю прелесть своих белых зубов»*, иногда «неожиданно она применяла оружие, которое мгновенно сражало меня, – высунутый язык».

Приехав на зимние каникулы, герой замечает резкие перемены в ней: храбрая, дерзкая девчонка держится по-иному и говорит, и *улыбается не так, как прежде*, вытянулась, стала стройнее, ласковое смуглое лицо обрело какую-то ясность, чуть повзрослело, на вопрос брата, куда будет поступать, она ответила: «Не знаю...еще не решила, и *натянута улыбнулась»*.

В конце рассказа данный образ трансформируется в поступок, действие героини, и только глаза выдавали ее душевную тайну. Переживая отъезд Нурлана в город на учебу, она *«совсем замкнулась»*, но как только поговорила с ним, все опять становится на свои места: «И тут в комнату ворвалась Алима. Не милом лице сияла *безудержная радость*. Она *подбежала* к матери, *схватила* ее за плечи и *закружила* по комнате...Я залюбовался ею. Мне показалось, что снова передо мной моя прежняя сестренка, и только *в ее глазах* я приметил едва-едва уловимую тайну, глубокую тайну первого сильного чувства» [1, 85-91].

Другой рассказ С.Муратбекова «Ултуган» отмечен исповедальностью. Описывая аульный быт, автор глубоко проникает в тайну женской души. Именно исповедальные вкрапления весьма колоритно индивидуализируют и в своем роде одушевляют повествование. Размеренная жизнь аула с каждодневными маленькими проблемами не дают времени Ултуган для устройства своей жизни. Исповедально-философская мысль главной героини пронизывает и оттеняет динамично развивающийся, разветвляющийся сюжет рассказа, а авторское сознание художественно претворяется в фактическом событийном материале. Одиночество, перед лицом которого оказалась Ултуган, заставляет заново пересмотреть прожитую жизнь. Проведя всю молодость в заботах о престарелых родителях и с честью выполнив свой дочерний долг, Ултуган приходит к мысли, что успела построить собственную судьбу.

Субъективный мир лирического героя и окружающий его событийный мир, воспроизведенные в рассказе от третьего лица, взаимно дополняют друг друга. Более того, они образуют единое органическое целое, которое сопровождается непосредственными жизненными наблюдениями и восприятиями лирического героя: «Ултуган верила, что каждому человеку отмерено свое счастье, а коли так, ее собственное счастье от нее никуда не уйдет... Ждет ли оно и теперь?

Или, не дождавшись, ушло? Много времени прошло. Да и кому нужна старая дева?».

Образ аула предстает в рассказе «Ултуган» в качестве небольшого горстка людей, тоже выполняющих свой долг: «Их оказалось не так-то много, людей, принявших близко к сердцу смерть отца Ултуган и ее собственное горе. На третий день поминок посетителей стало еще меньше, раз-два – и обчелся. Расходясь по домам, они на минутку присаживались рядом с Ултуган, повторяли слова утешения, давали советы...А когда закончился и этот, третий день, когда хлопнула дверь за последним ее утешителем, Ултуган и вовсе осталась одна. После стольких дней, заполненных плачем говором людей, в обеих комнатах дома установилась глухая, душная тишина» [1, 209].

Полный различных забот, шумный, повседневный мир аульчан, казалось, остановился для Ултуган. Окружающий мир теперь “врывался” в ее одинокую, тихую жизнь в виде шума, скрипа, топота, храпа, кашля: «О том, что жизнь идет своим чередом, что за стенами ходят, говорят, и что-то делают другие люди, ей напомнил *скрип* наружных дверей. Кто-то, *топая*, вошел в дом и остановился в передней комнате». «И ее снова окружало одиночество. Она жадно прислушивалась к тишине. В сарае прокричал петух, словно ее желание угадал, и Ултуган очень обрадовалась живой душе. Затем она поняла, что также все это время слышит *храп*, доносящийся из передней комнаты. И тут же кто-то *кашлянул*». Далее неожиданные звуки перевоплотились для Ултуган в приятные и ожидаемые: «И хотя Ултуган прислушивалась к звукам всем своим существом, входная дверь *скрипнула* для нее совсем неожиданно. Потом в

прихожей *простучали* шаги, вспыхнул свет, и она увидела Майдана». Даже влюбленные “общаются” без слов: «Они вот так, не размыкая объятий, не снимая одежды, снова унеслись в тот мир, в котором влюбленные одни и более никто не существует. И не было сказано ни слова, только упоенно *перестукивались* сердца» [1, 226]. Идиллию влюбленных нарушила Сандибала, жена Майдана, не один раз разбивающая стекла в окне Ултуган. Шум становится невыносимым: «Дрожащая от страха, от несправедливых оскорблений, Ултуган услышала, как *звякнуло*, разбилось оконное стекло...А ночью все повторилось заново. Они проснулись от ругани Сандибалы и не успели опомниться, как *завенело* разбитое стекло, в комнату *с грохотом* посыпались камни. Майдан вскочил на ноги и выбежал из дома. А через мгновение Ултуган услышала *душераздирающий вопль* Сандибалы... И тотчас улица словно *взорвалась*, наполнилась *топотом, криками* людей, *лаем* осатаневших собак. Шум оборвался так же вдруг, как и возник» [1, 226].

Подводя итог, следует отметить наличие целого ряда более чем удачных композиционных и стиливых в пользу углубления лиризма решений автора, который, по устоявшейся уже в его писательской деятельности позитивной тенденции своеобразно подходит к решению традиционных творческих задач.

Использованные источники:

1. Муратбеков С. Горький запах полыни. Повести и рассказы. – М.: Русская книга, 2003. – 304 с.
2. Муратбеков С. Дикая яблоня. Повести, рассказы – Алма-Ата: Жазушы, 1990. – 672 с.